

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE (CIVIL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.132.6

Дата поступления: 21.05.2024
рецензирования: 17.07.2024
принятия: 10.09.2024

Является ли картель гражданско-правовой сделкой?

А. Р. СултановПредставительство «Пепеляев групп» в Республике Татарстан, г. Нижнекамск, Российская Федерация
E-mail: a.sultanov@pgplaw.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрена проблема все чаще встречающейся в исковых заявлениях прокурора квалификации картелей как сделок, подлежащих признанию ничтожными. Поскольку такая квалификация приводит к существенным имущественным взысканиям, ее подтверждение или опровержение имеет важный практический характер. Поставленная проблема рассмотрена через призму доктрины и практику Верховного Суда РФ и других судов. По мнению автора, квалификация картеля, определенного законодателем в качестве правонарушения, как сделки носит искусственный характер и не имеет правовых оснований. В ГК РФ не предусмотрено такой сделки, как картель, а поскольку картель является нарушением запрета, установленным в антимонопольном законодательстве, то к нему неприменимо правило ГК РФ о допустимости заключения сделок, не предусмотренных законом. Автор полагает, что функция прокуратуры не должна включать в себя пополнение бюджета. Появление такой функции может стать причиной отклонения от обеспечения законности.

Ключевые слова: картель; правонарушение; сделка; квалификация; толкование; прокуратура; Верховный Суд РФ.

Цитирование. Султанов А. Р. Является ли картель гражданско-правовой сделкой? // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 3. С. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Султанов А. Р., 2024

Айдар Рустэмович Султанов – адвокат, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, руководитель Представительства «Пепеляев групп» в Республике Татарстан, 125047, Российская Федерация, г. Москва, ул. 3-я Тверская-Ямская, 39, стр. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.05.2024
Revised: 17.07.2024
Accepted: 10.09.2024

Is a cartel a civil transaction?

A. R. SultanovRepresentative office of Pepeliaev Group in the Republic of Tatarstan, Nizhnekamsk, Russian Federation
E-mail: a.sultanov@pgplaw.ru

Abstract: This article examines the problem of the increasingly common qualification of the cartel in the statements of claim of the prosecutor as transactions subject to recognition as null and void. Since such a qualification leads to significant property penalties, its confirmation or refutation is of an important practical nature. The problem is considered through the prism of the doctrine and practice of the Supreme Court of the Russian Federation and other courts. According to the author, the qualification of the cartel, defined by the legislator as an offense, is artificial in nature, and has no legal basis. The Civil Code of the Russian Federation does not provide for such a transaction as a cartel, and since the cartel is a violation of the prohibition established in the antimonopoly legislation, the rule of the Civil Code of the Russian Federation on the admissibility of transactions not provided for by law does not apply to it. The author believes that the function of the prosecutor's office should not include replenishment of the budget. The appearance of such a function may cause deviations from the rule of law.

Key words: cartel; offense; transaction; qualification; interpretation; prosecutor's office; Supreme Court of the Russian Federation.

Citation. Sultanov A. R. *Yavlyatsya li kartel' grazhdansko-pravovoy sdelkoy?* [Is a cartel a civil transaction?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta Juridical Journal of Samara University*, 2024, vol. 10, no. 3, pp. 26–31. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-26-31> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declared no conflicts of interest.

© Sultanov A. R., 2024

Aydar R. Sultanov – lawyer, Candidate of Legal Sciences, honored lawyer of the Republic of Tatarstan, head of the Representative office «Pepeliaev group» in Tatarstan, bld. 1, 39, 3rd Tverskaya-Yamskaya Street, Moscow, 125047, Russian Federation.

Закон есть единение разумных и дальновзорких против близоруких.

Рудольф фон Иеринг. «Цель в праве»

Данный вопрос возник в результате ознакомления с рядом исковых заявлений прокуроров о признании картеля сделкой, противоречащей основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), и взыскании полученного дохода в федеральный бюджет на основании ч. 3. ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции». Ранее к толкованию данной санкции мы уже обращались, полагая ее публично-правовой, а не гражданско-правовой санкцией [1, с. 148]. Верность такого толкования стала очевидна после изменений в данную норму, внесенных ФЗ от 05.10.2015 № 275-ФЗ в п. 3 ст. 51 ФЗ «О защите конкуренции» и установивших, что данная форма ответственности выступает исключительно альтернативой административному наказанию.

Вопросов, порождаемых указанными исками прокуратуры, безусловно, больше [2, с. 62], но в данной статье мы затронем лишь проблему, обозначенную в названии статьи.

Гражданский кодекс РФ не предусматривает такой сделки, а правовое определение понятия «картель» дано в ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – закон № 135-ФЗ), в которой под картелем понимается соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке.

Сам термин «картель» законодатель использовал в указанном законе именно в целях применения в сфере антимонопольного законодательства, поскольку оно содержит состав административного правонарушения, сформулированный в виде запрета в императивной норме права.

Данная дефиниция также используется в КоАП РФ и УК РФ, но не в ГК РФ.

В части 1 ст. 8 ГК РФ установлено: «Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему».

Поскольку в ГК РФ не предусмотрено такой сделки, как картель, и поскольку картель является нарушением запрета установления в законе о конкуренции, то к нему неприменимо правило ГК РФ о допустимости заключения сделок, не предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Под неправомерным действием понимается волевое поведение, которое не соответствует правовым предписаниям, ущемляет субъективные права, не согласуется с возложенными на лиц юридическими обязанностями. Неправомерные действия подразделяются на преступления и проступки, к которым относятся и картельные соглашения.

Недействительной сделкой признается лишь действие, совершенное в виде сделки, в котором законом или судом установлено нарушение хотя бы одного условия действительности последней, не способное породить те гражданско-правовые последствия, наступления которых желали бы его субъекты.

Нельзя признать недействительной сделкой то, что не является сделкой. Установление картеля в публичном праве для привлечения к административной или уголовной ответственности не делает его гражданско-правовой сделкой.

Таким образом, картельное соглашение является неправомерным действием, а не сделкой, т. е. юридическим фактом совсем иной правовой природы.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции под картелем подразумевается соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке.

Вместе с тем п. 18 ст. 4 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что под соглашением понимается договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

Как следует из Разъяснений № 3 Президиума ФАС России «Доказывание недопустимых согла-

шений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 17.02.2016 № 3), Закон о защите конкуренции содержит более широкое понятие соглашения, не ограниченное только понятием соглашения в форме гражданско-правового договора. Поэтому антиконкурентные соглашения не подлежат оценке с точки зрения соответствия требованиям, которые предъявляются гражданско-правовым законодательством к форме договоров (сделок). В данных разъяснениях антимонопольный орган напрямую указывает, что антиконкурентные соглашения являются правонарушением.

Дополнительно стоит отметить, что в доктрине также существует позиция, выражающаяся в том, что соглашение по смыслу антимонопольного законодательства не равнозначно понятию гражданско-правового договора, поэтому для разрешения тех или иных вопросов, связанных с соглашением, пользоваться нормами ГК РФ недопустимо [3, с. 225]. Это подтверждает, что картель – это разновидность правонарушения, а не сделка.

Аналогичную позицию изложил и Президиум ВАС РФ, который подтвердил, что при оценке факта правонарушения в сфере антимонопольного законодательства в форме антиконкурентного соглашения статьи 154, 160, 432, 434 ГК РФ применению не подлежат (Постановление Президиума ВАС РФ от 21.12.2010 № 9966/10 по делу № А27-12323/2009).

Нельзя также не отметить, что картельные соглашения в целом лишены признаков гражданско-правового договора (сделки). Так, согласно ч. 1 ст. 2 ГК РФ, предметом гражданского права являются имущественные и неимущественные отношения, которые складываются по поводу принадлежности, использования и перехода средств производства, предметов потребления и других материальных благ. Иными словами, данные отношения имеют товарно-денежную форму, для большинства из них характерен стоимостный и эквивалентно-возмездный характер.

Картельные соглашения лишены данных признаков – они направлены на выстраивание стратегии поведенческого характера между хозяйствующими субъектами – конкурентами с целью ограничения конкуренции.

Однако некоторые ученые полагают, что «с точки зрения гражданского законодательства картельное соглашение может расцениваться в качестве организационного договора, содержание которого заключается в установлении его сторонами условий, создающих возможность совместной реализации рыночной власти при условии проведения участниками картеля единой и согласованной рыночной политики, приводящей к последствиям, указанным в пп. 1–5 ч. 1 ст. 11 ЗоЗК» [4].

При этом отмечается, что в большинстве своем организационные сделки имеют безвозмездный характер, а потому последствия их признания недействительными, как правило, не могут иметь

имущественного содержания. Соответственно, возникает вопрос целесообразности квалификации картеля как ничтожной сделки, если последствия такого признания будут лишь констатацией факта незаконности, что гораздо более эффективно устанавливать в решении антимонопольного органа.

Полагаем, что важнейшим элементом юридического состава сделки (а также любого юридического действия) является цель действия. Согласно ст. 153 ГК РФ, цель сделки – установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т. е. цель сама по себе правомерная.

Очевидно, что цель картеля не является «правовой» целью в силу ее противоправного характера и высокой степени общественной опасности.

Кроме того, характерной чертой гражданско-правового договора (сделки) является возможность его сторон в судебном порядке осуществить защиту нарушенного субъективного права, т. е. стороны наделены мерами государственной защиты. Участники же картельных соглашений лишены таких мер защиты, поскольку в силу закона они запрещены [5, с. 5–9].

Однако некоторые ученые, доказывающие, что картель – это сделка, указывают отсутствие судебной защиты в качестве особенности картельных соглашений [6], не замечая, что тем самым признают отсутствие гражданско-правовой природы картеля.

Надо отметить, что вопрос о том, может ли быть картель сделкой, был поднят в первых же исках прокуроров о признании картеля недействительной сделкой. Несмотря на это, суды часто уклонялись от оценки доводов о правовой природе картеля.

Так, например, воспроизведя довод о том, что картель не является гражданско-правовой сделкой, Арбитражный суд Владимирской области в деле № А11-7191/2023 принял решение от 24.07.2024 об отказе в иске прокурору без оценки данного довода.

Возможно, ситуация изменилась благодаря тому, что накопилась критическая масса таких исков и данный вопрос попал во внимание аппарата Уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей, который дал свое заключение для одного из дел по иску прокурора.

Так, в Решении Арбитражного суда Приморского края от 29.07.2024 по делу № А51-5741/2024 аргументация аппарата Уполномоченного при Президенте России по защите прав предпринимателей была воспроизведена: «...невозможно применить последствия недействительности сделки по оспариваемому (картельному) соглашению в виде взыскания полученного дохода, поскольку действия ответчиков направлены на получение результата, изъятая часть из гражданского оборота, и совокупность их действий в зависимости от состава подлежат регулированию антимонопольным, административным либо уголовным законодательством».

В судах общей юрисдикции до недавнего времени, несмотря на обилие судебной практики, данный вопрос внимательно не рассматривался.

В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.07.2024 N 9-КГ24-7-К1 проблема возможности толкования картеля как гражданско-правовой сделки получила надлежащий анализ и оценку.

Вначале Верховный Суд РФ воспроизвел общие положения о сделках:

«...сделками в соответствии со статьей 153 Гражданского кодекса Российской Федерации признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», по смыслу статьи 153 Гражданского кодекса при решении вопроса о правовой квалификации действий участника (участников) гражданского оборота в качестве сделки для целей применения правил о недействительности сделок следует учитывать, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)».

Затем Верховный Суд РФ проанализировал положения Федерального закона «О защите конкуренции»: «Согласно пункту 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции, соглашением по данному закону является договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме».

В соответствии с частью 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции признаются картелем и запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к: установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков); сокращению или прекращению производства товаров; отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Согласно положениям статьи 37 указанного Закона, за нарушение антимонопольного законодательства должностные лица федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностные лица иных осуществляющих функции указанных органов или организаций, а также должностные лица государственных внебюджетных фондов, коммерческие и некоммерческие организации и их должностные лица, физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Затем Верховный Суд РФ напомнил, что, согласно статье 14.32 КоАП РФ, заключение соглашения, ограничивающего конкуренцию, признается правонарушением.

Ключевой вывод Верховного Суда РФ фактически совпадает с нашей точкой зрения, изложенной выше, и мы надеемся, что она станет практикообразующей:

«...любой вид сделки представляет собой действия участников гражданских правоотношений, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, которые при определенных обстоятельствах могут приобрести признаки недействительности и стать неправомерными».

Картель же сам по себе является заведомо неправомерным действием (правонарушением), не имеющим цели возникновения, изменения, прекращения гражданских правоотношений. Целью такого соглашения является не возникновение гражданских прав, а получение конкурентного преимущества на товарном рынке, как правило, влекущее заключение желаемых участниками картеля гражданско-правовых договоров».

Примечательно, что в Верховный Суд РФ в своем Определении оценил требования прокурора как попытку пересмотра решения антимонопольного органа:

«Квалификация спорных правоотношений как картеля уже была дана в решении Комиссии УФАС по Нижегородской области от 2 июня 2021 г., а требования прокурора по сути направлены на пересмотр указанного решения УФАС по Нижегородской области».

Таким образом, согласно подходу Верховного Суда РФ, прокурор, заявляя иск, в котором квалифицирует картель как гражданско-правовую сделку, фактически лишь выражает несогласие с квалификацией, данной Решением антимонопольного органа. Безусловно, такое несогласие не может быть выражено подачей иска о признании сделки недействительной, а лишь путем оспаривания решения антимонопольного органа в установленном для этого порядке.

Впрочем, очевидно, что для переквалификации картеля как антимонопольного правонарушения в гражданско-правовую сделку никаких правовых оснований нет. Кроме того, цель такой переква-

лификации – признание ее затем недействительной – показывает искусственность такой квалификации. В руки просится бритва Оккама¹ – *Entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*.

Практика признания сделкой того, что сделкой не является, с тем, чтобы потом применить гражданско-правовые последствия недействительности сделок, порождена либо желанием пополнить бюджет², либо признанием неэффективности действий антимонопольного органа.

Очевидно, что вторая цель не достигается путем подачи прокуратурой своего иска. Законодатель попытался предупредить подобные ситуации в ч. 2 ст. 26, ФЗ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: «Органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы и должностных лиц, которые осуществляют контроль за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций». Прокурор должен использовать другие меры реагирования – протесты и пр.

¹ Бритва Оккама – методологический принцип, в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости».

² Мы не стали здесь упоминать называемую некоторыми возможную цель таких исков – довести до банкротства, чтобы потом захватить имущество, поскольку мы полагаем, что для всех очевидна противозаконность таких целей..., но такие публикации есть: Самарскую «Клинику сердца» готовят к изъятию у ее хозяина // Самарское обозрение. 15.07.2024 URL: <https://oboz.info/samarskuyu-kliniku-serdtsa-gotovyat-k-izyatiyu-u-ee-hozyaina>.

Первая цель, внешне благородная, на самом деле крайне разрушительна для правопорядка. Очевидно, что если орган, призванный защищать правопорядок, начнет «близоруко» заниматься пополнением бюджета, то у него, безусловно, произойдет подмена целей. Тот, кто имеет цель пополнить бюджет, весьма скоро перестанет служить правде и справедливости. У правоохранительных органов не должно быть цели пополнения бюджета!

Сиюминутная выгода государства от быстрого пополнения бюджета может обернуться не только потерей законности как принципа действия государства, но и застоєм в осуществлении предпринимательской деятельности, который через какое-то время опустошит бюджет. И самое страшное в том, что все это может обернуться потерей доверия к государству.

Еще в Древнем Риме знали, что «утрата уважения к судьям разрушает государство» (*Sublata veneration magistratum, res publica ruit*). Полагаем, что это осознавалось в России при создании прокуратуры: Петр I ставил перед ней «дальнезоркую» задачу «уничтожить или ослабить зло, проистекающее из беспорядков в делах неправосудия, взяточничества и беззакония».

Безусловно, переквалификация правонарушения – картеля – в сделку в целях дальнейшего признания ее недействительной не соответствует целям обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Библиографический список

1. Султанов А. Р. О кодификации законодательства об административных правонарушениях и антимонопольном законодательстве // Закон. 2007. № 7. С. 141–148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559281>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibevmn>.
2. Султанов А. Р. Прокурорские иски по картелям. Процессуальный аспект // Конкуренция и право. 2024. № 4. С. 62–66. URL: <https://cljournal.ru/vybor/266/>.
3. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» (постатейный) / отв. ред. И.Ю. Артемьев. МГИМО МИД России, ФАС России. Москва: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2018/11/Научно-практический-комментарий-к-ФЗ-О-Защите-конкуренции-И.Ю.-Артемьев-Москва-2015.pdf>.
4. Егорова М. А. Картель как разновидность сделки // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом: сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции / под ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. Москва, 2017. С. 328–347.
5. Кванина В. В. О правовой сущности картеля на торгах // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 5–9. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47103221>. EDN: <https://elibrary.ru/ynxqkt>.
6. Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства: монография. Москва: Юстицинформ, 2020. 408 с. // СПС «КонсультантПлюс». Available at: https://emelyanova-ksenia.ru/sites/default/files/grazhdansko-pravovye_posledstviya_narusheniy_antimonopolnogo_z.pdf?ysclid=m1qf0khhbg0136803965.

References

1. Sultanov A. R. *O kodifikatsii zakonodatel'stva ob administrativnykh pravonarusheniyakh i antimonopol'nom zakonodatel'stve* [On the codification of legislation on administrative offenses and antimonopoly legislation]. *Zakon*, 2007, no. 7, pp. 141–148. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559281>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ibevmn> [in Russian].

2. Sultanov A. R. *Prokurorskie iski po kartelyam. Protsessual'nyy aspekt* [Prosecutor's lawsuits on cartels. Procedural aspect]. *Konkurentsia i pravo* [Competition and Law], 2024, no. 4, pp. 62–66. Available at: <https://cljournal.ru/vybor/266/> [in Russian].
3. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu «O zashchite konkurentsii» (postateynyy)*. Otv. red. I. Yu. Artem'ev. *MGIMO MID Rossii, FAS Rossii* [Artemyev I. Yu. (Ed.) Scientific and practical commentary on the Federal Law «Concerning the Protection of Competition» (article by article)]. Moscow: Statut, 2016. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. Available at: <https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2018/11/Научно-практический-комментарий-к-ФЗ-О-Защите-конкуренции-И.Ю.-Артемьев-Москва-2015.pdf> [in Russian].
4. Egorova M. A. *Kartel' kak raznovidnost' sdelki* [Cartel as a kind of transaction]. In: *Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh statey IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoy [Mogilevsky S. D., Egorova M. A. (eds.): collection of scientific articles of the IV International research and practical conference «Current problems of entrepreneurial and corporate law in Russia and abroad»]. Moscow, 2017. *Legal reference system «ConsultantPlus»* [in Russian].
5. Kvanina V. V. *O pravovoy sushchnosti kartelya na torgakh* [On the legal essence of a cartel in trading]. *Konkurentnoe pravo* [Competition Law], 2021, no. 3, pp. 5–9. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47103221>. EDN: <https://elibrary.ru/ynxqkt> [in Russian].
6. Egorova M. A. *Grazhdansko-pravovyye posledstviya narusheniy antimonopol'nogo zakonodatel'stva: monografiya* [Civil consequences of violations of antimonopoly legislation: monograph]. Moscow: Yustitsinform, 2020, 408 p. *Legal reference system «ConsultantPlus»*. Available at: https://emelyanova-ksenia.ru/sites/default/files/grazhdansko-pravovyye_posledstviya_narusheniy_antimonopolnogo_z.pdf?ysclid=m1qf0khhg0136803965 [in Russian].